

18+

Евгений Юрьев

ТАМ, ГДЕ
КОНЧАЕТСЯ ЛЁД

Не смотри в окно после полуночи

Евгений Юрьев
Там, где кончается лёд.
Не смотри в окно
после полуночи

<https://litres.ru/74429778>

ISBN 9785007120289

Аннотация

Даниил бежит от предательства друга, от долгов и от себя. Он летит на край земли — на полярную станцию, где, кроме старого смотрителя, нет ни души. Но ледяная пустоша скрывает тайну: подо льдом горит зелёный свет, который зовёт тех, кто потерял себя. Он не даёт спать, проникает в сны и обещает покой. Но покой этот — цена памяти. И однажды Даниилу придётся выбирать: остаться тем, кто он есть, или стать частью вечного холода.

Содержание

Пролог	5
Глава первая. Станция	10
Конец ознакомительного фрагмента.	15

**Там, где кончается лёд
Не смотри в окно
после полуночи**

Евгений Юрьев

© Евгений Юрьев, 2026

ISBN 978-5-0071-2028-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Москва встретила его серым утром — тусклый свет пробивался сквозь грязные шторы и ложился на потолок желтоватыми пятнами, похожими на старые, выцветшие карты. Даниил лежал на спине, глядя вверх, и не мог заставить себя встать. Потолок был старым: с трещинами, напоминающими русла пересохших рек, с пятнами сырости, расплзавшимися от углов, как темные облака. Он смотрел на них и думал о том, что эти реки никуда не текут. Они просто есть. Как и он. Как и его жизнь, застрявшая где-то между вчера и сегодня, между тем, что он мог сделать, и тем, что так и не решился сделать.

Каждая мышца его тела болела от бездействия. Он не спал нормально уже несколько недель — ложился поздно, просыпался рано, а иногда не спал вовсе. Просто лежал, смотрел в потолок и ждал. Чего — он не знал. Может быть, конца. Может быть, начала. Может быть, просто чего-то, что заставит его снова чувствовать. Что-то, что вырвет его из этой трясины, в которой он увяз по самую шею.

За стеной соседи включили телевизор. Голос диктора звучал приглушенно, через стену, и Даниил не мог разобрать слов. Но ему и не нужно было. Он не хотел знать, что происходит в мире. В другой квартире заплакал ребенок — тонко, надрывно, долго. Даниил слушал этот плач и не понимал,

как можно плакать. Как можно чувствовать настолько сильно, чтобы издавать такие звуки. Он не чувствовал ничего — только тяжесть в теле и пустоту внутри. Глухую, холодную, как старый колодец, в который он смотрел уже много лет.

Он заставил себя сесть. Пол под ногами был холодным — старый линолеум, стертый до дыр, не держал тепло. Он прошел на кухню босиком, чувствуя каждый холодный миллиметр пола. На столе стояла грязная тарелка, в раковине лежала немытая посуда — несколько тарелок, кружек, вилок, покрытых засохшей пищей. Он посмотрел на них и понял, что не помнит, когда в последний раз мыл посуду. Может быть, вчера. Может быть, три дня назад. Он не знал. Время потеряло значение.

Он налил воды из крана. Она была холодной, с легким металлическим привкусом. Он выпил ее залпом, чувствуя, как жидкость скатывается по горлу, но не приносит облегчения. Вкуса не было. Вообще никакого вкуса. Как будто он пил не воду, а пустоту.

Квартира пахла затхлостью — как старый шкаф, который не открывали годами. Пыль лежала на подоконнике, на книгах, на старой лампе, которую он купил когда-то с Виктором. Они выбирали ее в магазине, смеялись, спорили, какой оттенок лучше — теплый или холодный. Теперь лампа стояла на столе, покрытая слоем серого налета, и он не мог заставить себя вытереть ее. Каждый раз, когда он смотрел на нее, он вспоминал Виктора — и боль была такой острой, что он не

мог дышать.

Он взял телефон. Экран загорелся, показывая уведомление. Пятнадцать пропущенных вызовов от Виктора. Одно сообщение в мессенджере: «Даниил, пожалуйста, ответь, я знаю, что...» Он не читал дальше. Он не мог. Он знал, что там будет оправдание. Что там будут слова о том, как всё можно исправить. Он не хотел слышать их. Он не хотел верить в них.

Он вспомнил тот день, когда всё рухнуло. Они сидели в баре, и Виктор смотрел на него с улыбкой. «Мы сможем, — говорил он. — Я верю в нас». Даниил верил. Он верил в Виктора больше, чем в себя. Он не замечал тревожных знаков — потому что не хотел замечать. Он хотел верить, что друг никогда не предаст. А потом Виктор исчез. Ушел с деньгами, с клиентами, с тем, что они строили вместе. Оставил Даниила одного с долгами и с чувством предательства, которое не проходило. Оно въелось в него, как ржавчина, разъедающая все изнутри.

Внутри него не было ни злости, ни страха, ни боли. Была только пустота — глубокая, холодная, как колодец, в который он смотрел уже много лет. Она была частью его, как дыхание, как сердцебиение, как кровь, которая текла по венам, но не согревала.

Он вышел из квартиры. Не помнил, как оделся. Не помнил, как закрыл дверь. Спустился по лестнице — ступеньки скрипели под ногами, на перилах лежала пыль. На улице мо-

росил дождь — мелкий, противный, тот самый, который не мочит, а только делает всё сырым и липким. Он не чувствовал его. Он просто шел, не зная куда. Ноги несли его сами.

Он спустился в метро. Эскалатор тянул его вниз, и он стоял неподвижно, глядя на бегущие ступени. В вагоне было много людей. Кто-то сидел, кто-то стоял, кто-то читал книгу, кто-то смотрел в телефон. Молодая женщина рядом с ним улыбалась своему ребенку, который сидел в коляске и тянул руки к чему-то невидимому. Даниил смотрел на нее и не понимал, как можно улыбаться. Как можно быть частью этого мира, когда внутри тебя — ничего. Когда ты чувствуешь только пустоту.

Он думал о том, что эти люди живут. Они чувствуют. Они любят. Они ненавидят. А он — нет. Он просто существует. Как призрак среди живых. Как тень, которая забыла, кому принадлежит.

Он дошел до дома Виктора. Поднялся на третий этаж, постучал. Дверь открыл Виктор — бледный, испуганный, в той же рубашке, что и три дня назад. Запах квартиры был кислым — алкоголь, пот, страх. Виктор не брился несколько дней, под глазами у него залегли темные круги, и он смотрел на Даниила так, как смотрит человек, который знает, что сейчас что-то произойдет.

— Ты... ты пришел, — сказал он, и голос его дрожал.

Даниил вошел, закрыл дверь, сел на стул. Он смотрел на Виктора и не видел его. Он видел только пустоту. Виктор

начал говорить — о деньгах, о долгах, о том, как всё пошло не так, о том, что он не хотел подставлять Даниила, о том, что всё можно исправить. Даниил слышал звуки, но не слова. Они не имели смысла. Как будто Виктор говорил на языке, которого он не понимал.

На кухонном столе лежал нож. Даниил смотрел на него. Он не знал, зачем он смотрит на него. Он просто смотрел. Потом встал, подошел к столу, взял нож. Чувствовал холод металла в руке, вес, его рукоятку, которая лежала в ладони так естественно, как будто всегда была там. Он сжал ее. Пальцы немели.

— Ты ведь меня не тронешь, — сказал Виктор, глядя на нож. — Ты же не такой.

Даниил молчал. Что-то внутри него сломалось. Он хотел ударить. Он хотел крикнуть. Он хотел сделать что-то, что уничтожило бы эту пустоту. Но он не мог. Он стоял, сжимая нож, и не мог пошевелиться. Потом он выронил нож. Он вышел, закрыл дверь, спустился по лестнице, сел в такси. Он сказал: «На вокзал». И уехал.

Он не помнил, как купил билет. Не помнил, как прошел регистрацию. Он сидел в зале ожидания, глядя на табло, и не видел цифр. Кассир спросил его, куда он хочет лететь. Он не знал. Он назвал первое место, которое пришло в голову. «На Север», — сказал он. «Там есть станция, — сказала кассир. — Но туда летают редко». Он кивнул. Ему было всё равно.

Глава первая. Станция

Самолет трясло так, что у Даниила заныли зубы. Он сидел у иллюминатора, но не смотрел в него. Он смотрел на свои руки — грязные ногти, ссадины на костяшках, вьевшаяся в кожу краска, которую не отмыть. Руки, которыми он держал нож. Руки, которые не ударили.

В салоне пахло топливом и старой обшивкой. Двигатели гудели ровно, но с легкой вибрацией, которая передавалась через кресло в позвоночник, заставляя его зубы стучать друг о друга. Даниил закрыл глаза и попытался не думать. Но мысли возвращались, как прилив, который нельзя остановить.

Облака за окном были похожи на вату, которую он в детстве отрывал от игрушек. Тогда всё было просто. Теперь — нет. Теперь он не знал, кто он. Он знал только, что должен уехать. Должен скрыться. Должен забыть.

Он думал о Викторе. И о том, что сказал ему в последнюю встречу.

Пилот — лысый, с красным носом, с запахом перегара, который не скрывала даже жвачка, — покосился на него. Он был грузным мужчиной лет пятидесяти, с руками, покрытыми татуировками, и голосом, который звучал так, будто он прокурен до самых легких.

— Ну что, брат, не передумал еще? Могу развернуться,

пока топливо есть.

— Не надо, — сказал Даниил. Голос его был хриплым, как будто он не говорил несколько дней.

— Там, правда, никого нет, — сказал пилот. — Кроме одного старика. Станный он. Говорят, злой. На станции уже лет тридцать, а никто его не видел. Думают, он там с ума сошел.

— Мне плевать, злой он или нет, — ответил Даниил, и в голосе его прозвучала глухая, усталая сталь. — Мне нужно тихое место.

Пилот хмыкнул, но в этом звуке не было насмешки. Только усталое, понимающее любопытство. Он посмотрел на Даниила так, как смотрят на человека, который совершает что-то необъяснимое. Как на беглеца.

— Знаешь, я возил людей на эту станцию лет десять. Раз в год, иногда реже. И все они были похожи на тебя. Беглецы. Кто-то от денег, кто-то от людей, кто-то от себя. Большинство не возвращались. Ты ведь тоже не вернешься, да?

— Я не знаю, — сказал Даниил. И это была правда.

— Ну, твое дело, — ответил пилот и отвернулся к приборам.

Самолет пошел на посадку. Визг, скрип, мелкая дрожь — и тишина. Двигатели затихли, и мир стал другим. Даниил открыл глаза и посмотрел в окно. Все, что он видел, было белым. Бесконечным, слепящим, пустым. Только лёд. И небо. И ветер, который дул так, что казалось, он вырывает душу.

Они вышли из самолета. Мороз вцепился в щеки, как ржавыми когтями. Кожа занемела, потом заболела, а через минуту он перестал чувствовать нос. Каждый вдох резал горло, как стекло. Он сплюнул — и слюна застыла на лету, превратившись в ледяную крупинку, которая упала на снег с сухим стуком.

Даниил остановился. Он смотрел на горизонт — там, где белый лёд встречался с бледным небом, не было ни деревьев, ни холмов, ни дорог. Только бесконечная тишина. И в этой тишине было что-то странное — не страх, не одиночество, а странный покой. Как будто здесь время остановилось. Как будто здесь можно было просто быть, не пытаясь быть кем-то другим.

Он стоял так долго, что ветер стих на мгновение, и он услышал тишину. Не ту тишину, которая давит. Ту тишину, которая позволяет дышать. Он почувствовал, что здесь время течет иначе. Он почувствовал, что здесь можно просто быть.

— Там станция, — пилот кивнул в сторону темного силуэта, который виднелся метрах в ста. — Иди, старик тебя ждет.

Даниил перекинул через плечо рюкзак и пошел. Снег скрипел под ногами. Он шел медленно, чувствуя, как холод пробирается сквозь ботинки, как ветер режет лицо, как каждый шаг оставляет след, который через минуту заметет снегом. Он шел, как будто время больше не имело значения. Как

будто он уже не принадлежал этому миру.

Из дверей станции вышел человек. Поджарый, жилистый мужик лет шестидесяти, с лицом, обветренным до темной кожи, с седыми, но густыми волосами и светлыми глазами, которые смотрели прямо, без моргания. Он стоял у поленницы и колол дрова. Топор вонзался в чурбак с глухим, ровным звуком. Он не оборачивался, пока Даниил не подошел вплотную.

Старик поднял голову. Посмотрел на него без интереса, как смотрят на вещь, которую принесло ветром.

— Михаил Федорович? — спросил Даниил, протягивая руку.

Старик посмотрел на его ладонь, но не пожал. Спросил:

— Ты умеешь колоть дрова?

Даниил растерялся.

— Что?

— Дрова, говорю, умеешь колоть? — переспросил старик, и в голосе его послышалась усталая усмешка. — Здесь зима долгая. Топливо нужно.

— Научусь, — ответил Даниил.

Старик хмыкнул. Отвернулся и бросил через плечо:

— Заходи. Чайник на плите. Но чай не пей — он для меня.

Даниил вошел в избу. Внутри пахло дымом, сушеной рыбой и машинным маслом. На стенах висели старые календари — некоторые из них были такими старыми, что бумага пожелтела и покрылась пятнами, как старая кожа. Выцвет-

шие фотографии, инструменты, старый барометр, который показывал «бурю» уже много лет.

В углу стояла печка-буржуйка, которая гудела, разгоняя тепло. На полке стоял старый будильник — стрелки застыли на четырех часах. Рядом лежала книга с закладкой на середине. Даниил взял ее, когда старик отвернулся. Это был дневник. Он открыл его на закладке и прочитал несколько строк: «Свет растет. Он приближается. Я чувствую, как он зовет меня. Я не знаю, сколько я еще продержусь. Но я должен остаться. Я должен ждать».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.